

РАЗДЕЛ I. СТИЛИСТИКА. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА. РИТОРИКА

ББК 81.411.2, 71.04
УДК 81.22, 130.2:2-264

Н. К. Гаспарян¹
ORCID: 0009-0002-4751-3164
nk.gasparian@mail.ru

МИФ В ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ: СОХРАНЕНИЕ АРХАИЧЕСКИХ ВЕРОВАНИЙ В АРМЯНСКИХ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЯХ

Статья посвящена анализу устойчивых выражений современного армянского языка, сохраняющих элементы архаических мифологических представлений. Рассматриваются фразеологические формулы, связанные с представлениями о смерти, судьбе, сакральной силе слова, культе солнца, магии замещения и космогонических образах. На материале повседневной разговорной речи показано, что мифологическое мышление не исчезает с утратой религиозных форм, а трансформируется, продолжая функционировать в языке в виде семантически «окаменевших» формул. Исследование демонстрирует роль языка как носителя культурной памяти и механизма сохранения мифологических моделей восприятия мира.

Ключевые слова: армянская мифология, устойчивые выражения, этнолингвистика, мифологическое мышление, сакральный язык, фольклор

Введение. Язык традиционного общества выполняет не только коммуникативную, но и сакральную функцию, выступая средством фиксации и передачи мифологических представлений [5; 8; 9]. Даже после утраты религиозного контекста многие элементы мифологического мышления продолжают существовать в форме устойчивых выражений, фразеологизмов и речевых формул, используемых в повседневной коммуникации. Эти выражения, утратившие для носителей языка прямое сакральное значение,

---

¹ Гаспарян Нина Карапетовна, кандидат филологических наук, Россия, Калининград.

тем не менее сохраняют глубинные семантические структуры, восходящие к древним верованиям.

Армянский язык представляет собой особенно богатый материал для подобного анализа, поскольку в нём до настоящего времени активно функционируют выражения, напрямую связанные с дохристианскими представлениями о смерти, судьбе, солнце, космосе и магической силе слова.

Цель данной статьи – выявить и проанализировать мифологические основания ряда распространённых армянских устойчивых выражений, а также показать механизмы трансформации сакрального смысла в повседневной речи.

Основная часть. Устойчивые выражения современного армянского языка представляют собой особый пласт культурной памяти, в котором архаические мифологические представления продолжают функционировать вне религиозного или ритуального контекста [1-4]. Эти формулы, используемые в повседневной речи, демонстрируют поразительную устойчивость семантических структур, восходящих к дохристианским верованиям, и тем самым подтверждают тезис о языке как одном из наиболее консервативных носителей мифологического мышления. Как отмечал М. Элиаде, миф не исчезает с утратой сакрального культа, а «меняет форму своего присутствия» [9], продолжая существовать в символических и вербальных структурах культуры.

Одним из наиболее показательных примеров подобной трансформации является выражение «**Գրոհը տաճի՛ր**» (**Пусть Грох заберет**), которое в современном языке функционирует как эмоционально-экспрессивная формула, аналогичная междометию раздражения или досады [3]. Однако его семантическое ядро восходит к мифологическому образу Гроха – духа смерти и помощника бога Тира, покровителя письменности, знания и судьбы [1]. В архаическом мировоззрении акт письма был неразрывно связан с фиксацией судьбы, а запись поступков человека – с предопределенностью его конца. Таким образом, упоминание Гроха в речи первоначально предполагало обращение к персонифицированной силе, управляющей жизнью и смертью. В процессе десакрализации данный образ утратил свою религиозную конкретность, но сама формула сохранила представление о внешней, неподконтрольной человеку силе, способной вмешаться в его судьбу.

Сходным образом в современной речи продолжает функционировать сакральная модель клятвы, представленная выражением «**Հորս տրվե՛լ**» («солнце отца»). Эта формула объединяет

в себе два ключевых элемента древнего мировоззрения: солярный культ и культ предков. Солнце в индоевропейской и ближневосточной традиции выступало в качестве высшего свидетеля истины, всевидящего и всезнающего, тогда как фигура отца символизировала связь между миром живых и сакральным пространством рода. Клятва солнцем отца представляла собой не просто вербальное подтверждение правдивости, а магико-правовой акт, нарушение которого грозило космическим и социальным возмездием. В современном языке данное выражение утратило характер сакрального обязательства, однако продолжает восприниматься как одна из самых сильных форм заверения, что свидетельствует о сохранении глубинной семантики ответственности перед высшей инстанцией.

Особый интерес представляет выражение «Յալի տանեմ» («возьму твою боль»), которое на первый взгляд воспринимается как чисто эмоциональное проявление заботы или любви. Тем не менее его происхождение связано с древними верованиями в магию замещения и возможность переноса страдания. В традиционной культуре подобные формулы имели ритуальный характер и использовались в контексте лечения или защиты, предполагая реальное воздействие слова на телесное и духовное состояние человека. С точки зрения филологического анализа здесь сохраняется перформативная природа высказывания: слово не только обозначает действие, но и символически его совершает. Даже утратив магическую функцию, формула продолжает нести в себе архетипическую модель жертвы и соучастия, в которой любовь осмысляется как готовность принять на себя боль другого.

Не менее значима и семантика выражения «Աչքի լույս» («свет твоим глазам»), широко употребляемого в ситуациях радости и благой вести. Его мифологическое основание может быть связано с древними представлениями о свете как проявлении божественного благословения и истины. В архаическом сознании зрение обладало не только физиологическим, но и онтологическим статусом: видеть означало быть причастным к истине, тогда как слепота интерпретировалась как утрата божественной защиты или наказание за нарушение космического порядка. Пожелание «света глазам» тем самым выходит за рамки этикетной формулы и воспроизводит древнюю символику сакрального просветления и благополучия.

Армянская языковая картина мира сохраняет мифологические представления не только в сфере человеческих отношений, но и в освоении космического пространства. Название Млечного Пути

– «Հարդազողի ճանապարհ» («дорога соломокрада») – восходит к мифу о боге Ваagne, культурном герое, совершающем кражу ради спасения своего народа. Согласно легенде, бог Ваагн, спасая свой народ, украл солому у ассирийского правителя Баршама и рассыпал её по небу во время бегства. В данном случае небесное явление интерпретируется через эпический нарратив, в котором космос включается в историческую и этическую систему координат. Примечательно, что этот мифологический образ сохранился не только в фольклорной традиции, но и в современной терминологии, что свидетельствует о глубокой укоренённости эпического мышления в языке.

Наконец, пословица «Ճան անունը տաս, մահակը վերցրու» («назовёшь имя собаки – возьми палку») отражает архаическое табу на произнесение имени опасной сущности. В традиционном мировоззрении имя рассматривалось как носитель сущности, а акт называния – как форма призыва. Даже в современной речи, где данная формула используется в шутливом или ироническом контексте, сохраняется представление о действенной силе слова, что сближает её с магическими концепциями языка, хорошо известными в этнолингвистике и фольклористике.

Заключение. Проведенный анализ показывает, что устойчивые выражения армянского языка представляют собой важный источник для изучения архаических мифологических представлений. Несмотря на утрату религиозного контекста, миф продолжает существовать в языке в форме повседневных речевых формул, функционируя как элемент коллективной культурной памяти.

Язык в данном случае выступает не только средством коммуникации, но и механизмом сохранения мифологического мировоззрения, адаптированного к условиям современной культуры. Кроме того, язык воспринимается как особое пространство памяти, в котором древние верования сохраняются в свернутом, семантически законсервированном виде. Эти выражения функционируют как своеобразные «мифологические реликты», позволяющие реконструировать глубинные структуры традиционного мировоззрения и проследить непрерывность культурной традиции от архаических верований до современной повседневной речи. Исследование подобных выражений позволяет глубже понять процессы трансформации сакрального и выявить скрытые структуры традиционного мышления, продолжающие оказывать влияние на повседневную жизнь общества.

Список литературы

1. Ананикян М. Армянская мифология / пер. с англ. Москва: Центрполиграф, 2010. 352 с.
2. Ачарян Х. История армянского языка. Т. 1. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1951. 512 с.
3. Джаукян Г. Б. Этимологический словарь армянского языка. Ереван: Асохик, 2010.
4. Джаукян Г. Б. Языкознание в Армении в V—XVIII вв. // История лингвистических учений. Средневековый Восток. Ленинград: Наука, 1981. С. 7-53.
5. Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей: лексика и мифология. Москва: Наука, 1974. 342 с.
6. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. Москва: Наука, 1986. – 143 с.
7. Тревер К. В. Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н. э. – IV в. н. э.) / Отв. ред.: акад. И. А. Орбели. Москва; Ленинград: Изд. АН СССР, 1953. 397 с.
8. Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с англ. Москва: Академический проект, 2021. 240 с.
9. Элиаде М. Миф о вечном возвращении / пер. с фр. Москва: Республика, 2000. 256 с.

REFERENCES

1. Ananikyan M. Armenian Mythology / translated from English. Moscow: Tsentrpoligraf, 2010. 352 p. (In Russ.)
2. Acharyan Kh. History of the Armenian Language. Vol. 1. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1951. 512 p. (In Russ.)
3. Dzhaukyan G. B. Etymological Dictionary of the Armenian Language. Yerevan: Asoghik, 2010. (In Russ.)
4. Dzhaukyan G. B. Linguistics in Armenia in the 5th-18th Centuries // History of Linguistic Doctrines. The Medieval East. Leningrad: Nauka, 1981. pp. 7-53. (In Russ.)
5. Ivanov V. V., Toporov V. N. Research in the Field of Slavic Antiquities: Lexicon and Mythology. Moscow: Nauka, 1974. 342 p. (In Russ.)
6. Telia V. N. Connotative aspect of the semantics of nominative units. Moscow: Nauka, 1986. 143 p. (In Russ.)
7. Trever K.V. Essays on the cultural history of ancient Armenia (II century BC – IV century AD) / Rep. ed.: acad. I. A. Orbeli. Moscow; Leningrad: Publishing house. USSR Academy of Sciences, 1953. 397 p. (In Russ.)

Н. К. Гаспарян

8. Eliade M. Aspects of myth / trans. from English Moscow: Academic project, 2021. 240 p. (In Russ.)

9. Eliade M. The Myth of Eternal Return / trans. from fr. Moscow: Republic, 2000. 256 p. (In Russ.)

MYTH IN EVERYDAY SPEECH: THE SURVIVAL OF ARCHAIC BELIEFS IN ARMENIAN FIXED EXPRESSIONS

Nina K. Gasparian

Russia, Kaliningrad

Abstract

The article studies Armenian fixed expressions used in contemporary everyday speech as carriers of archaic mythological beliefs. The article examines phraseological formulas associated with concepts of death, fate, the sacred power of words, the cult of the sun, the magic of substitution, and cosmogonic images. Using everyday colloquial speech, it is demonstrated that mythological thinking does not disappear with the loss of religious forms, but rather transforms, continuing to function in language as semantically "fossilized" formulas. The study demonstrates the role of language as a carrier of cultural memory and a mechanism for preserving mythological models of worldview.

Keywords: Armenian mythology; fixed expressions; ethnolinguistics; mythological thinking; cultural memory; sacral language; folklore

Для цитирования: Гаспарян Н. К. Миф в повседневной речи: сохранение архаических верований в армянских устойчивых выражениях // Libri Magistri. 2026. № 1 (35). С. 13–18.

Поступила в редакцию 30.12.2025